

И.В. Лашюков

**Пособие к изучению Русской
истории критическим
методом**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.В. Лашюков**
Пособие к изучению Русской истории критическим методом / И.В. Лашюков –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 177 с.

ISBN 978-5-517-95833-4

ISBN 978-5-517-95833-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое общественному вниманію сочиненіе принадлежит бывшему профессору лицея князя Безбородко Ивану Васильевичу Лапнюкову. Покойный принадлежалъ къ числу весьма замѣчательныхъ дѣятелей нашего провинціального педагогическаго міра; въ небольшой сферѣ лицейской жизни онъ имѣлъ сильное и благотворное вліяніе. Его жизнь и исторія воспитанія представляетъ типическія черты, характеризующія наше недавнее печальное прошлое. Кто проходилъ такой путь, тотъ выносилъ одно пламенное желаніе—лучшей участи для грядущихъ поколѣній.

Иванъ Васильевичъ Лапнюковъ — сынъ бѣднаго сельскаго священника сосницкаго уѣзда черниговской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ черниговской духовной семинаріи, гдѣ онъ—по его собственнымъ словамъ—былъ на дурномъ счету за либеральныя наклонности. По окончаніи (1844) семинарскаго курса, Лапнюковъ уклонился отъ духовной карьеры и рѣшилъ продолжать образованіе въ свѣтскомъ высшемъ

II

училищѣ. Выборъ его палъ на лицей кн. Безбородко. Въ Нѣжинѣ Лашнюковъ припелъ пѣшкомъ и жилъ здѣсь въ первое время въ какомъ то амбарѣ, пока студентъ Мельниковъ, его товарищъ по первому курсу (сынъ купца-вольноотпущенника гг. Милорадовичевыхъ изъ м. Любеча), не далъ ему пріюта. Въ послѣдствіи Лашнюковъ былъ принятъ въ лицейскій пансіонъ стипендіатомъ князя Безбородко. Какъ въ лицѣѣ, такъ въ послѣдствіи и въ университетѣ Лашнюковъ былъ очень замѣтнымъ и вліятельнымъ студентомъ. Вотъ что говоритъ, относительно періода пребыванія Лашнюкова въ лицѣѣ, бывшій его товарищъ г. Троцина.

„Схоластическое образованіе въ семинаріи много способствовало развитію въ Лашнюковѣ силы мышленія, дѣлавшей его доступнымъ отвлеченнымъ понятіямъ права, тогда какъ для многихъ другихъ студентовъ, еще мало развитыхъ предшествующимъ воспитаніемъ, переходъ отъ круга гимназическихъ познаній въ область высшихъ идей философіи права былъ такъ рѣзокъ, что часто усилія памяти замѣняли усвоеніе мысли путемъ пониманія. Никто лучше его не объяснялъ трудныя мѣста философіи права. Гегель своею объективностію особенно затруднялъ молодые умы; но не большой кружокъ студентовъ-мыслителей, между которыми Лашнюковъ занималъ разумѣется первое мѣсто, не хотѣлъ отказываться отъ борьбы съ трудностію и принимать на вѣру мысль, не усвоенную сознаніемъ; смѣло и со всею силою логики встрѣчалъ

III

онъ непокорную идею, путемъ умозаключенія доходилъ до ея начала, преслѣдовалъ ее до тѣхъ поръ, пока не разоблачался внутренній ея смыслъ, и мы съ торжествомъ могли созерцать мысль въ той ея чистотѣ, въ какой она представлялась уму великаго мыслителя. Обладая силою діалектики, Лапнюковъ всегда сводилъ товарищескую бесѣду къ какому нибудь вопросу, становившагося предметомъ диспута. Такія бесѣды происходили обыкновенно въ лицейскомъ саду, гдѣ студенты, жившіе въ самомъ зданіи лицея, проводили большую часть свободнаго отъ занятій времени. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминается теперь это мѣсто, гдѣ высказываемо было столько мыслей, гдѣ свободно развивались самыя отвлеченныя вопросы изъ области философіи, гдѣ вмѣстѣ съ защитою того или другаго ученія объ идеѣ добра и правды сознаніе неизмѣнности этихъ началъ уже сроднялось съ внутреннею природою молодаго мыслителя. Иное совѣмъ чувствовалось въ самомъ зданіи; тутъ все намъ говорило о дисциплинѣ и наружной формѣ, составлявшей въ тѣ времена первое условіе нравственности студента, и Лапнюковъ, имѣвшій обыкновенье ходить въ растегнутомъ сюртукѣ и съ прической нѣсколько въ безпорядкѣ, всегда считался, во мнѣніи блюстителей чистоты нравовъ лицея, чѣмъ то въ родѣ либерала.... Трехлѣтнее пребываніе Лапнюкова въ лицей не осталось для него безъ пользы; здѣсь онъ освободился отъ нѣсколько односторонняго взгляда, сообщаемаго воспитаніемъ въ духов-

ныхъ училищахъ, и пріучился къ повѣркѣ разумомъ истинъ науки и явленій жизни.“

Репутація либерала, о которой говоритъ г. Троцина, была вѣроятно причиною того, что Лапшнюковъ окончилъ лицей (1847) съ аттестатомъ втораго разряда, хотя по познаніямъ и развитію заслуживалъ большаго.

Изъ лицея Лапшнюковъ перешелъ въ историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра, гдѣ тоже нѣкоторое время сильно бѣдствовалъ, кое какъ перебиваясь уроками латинскаго и греческаго языковъ и составленіемъ сочиненій для слабыхъ филологовъ богачей.

Четырехлѣтнее пребываніе Лапшнюкова въ кіевскомъ университетѣ было — не смотря на гнетъ тѣхъ же, что и въ лицей, дисциплины и формалистики — самымъ плодотворнымъ временемъ въ исторіи его образованія. Кіевскій университетъ имѣлъ въ то время превосходныхъ профессоровъ по политическимъ наукамъ: гг. Павлова, Шульгина, Вернадскаго; подъ ихъ руководствомъ молодежь серьезно изучала классическія сочиненія западно-европейской науки: Гизо, Тьери, Кэтлэ, Сэя... Авторитетъ историко-филологическаго факультета въ концѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ былъ очень великъ; лучшіе студенты университета принадлежали историко-филологическому факультету; лекціи же его корифеевъ посѣщались студентами всѣхъ факультетовъ, такъ что обширныя аудиторіи кіевского университета съ трудомъ вмѣщали слушателей. Я живо помню, съ какимъ благоговеніемъ

выслушивали мы — гимназисты — рассказы студентов, проѣзжавшихъ изъ Кіева на вакаціи и праздниками о лекціяхъ профессоровъ. Обаяніе вышеназваннымъ именемъ и общее стремленіе къ историческимъ знаніямъ увлекала на историко-филологическій факультетъ даже и такихъ молодыхъ людей, которые имѣли несомнѣнныя способности къ другимъ наукамъ.

Въ такой школѣ завершилось развитіе и образованіе Лашнюкова; въ ней окончательно окрѣпъ критическій природный его даръ, пробужденный, но неудовлетворенный семинарскою діалектикой; изъ нея онъ вынесъ тотъ широкій и гуманный взглядъ на жизнь и исторію, который никогда не допускалъ его до односторонности и мелочности, часто составляющихъ отличіе провинціальныхъ учоныхъ, и который помогъ ему навсегда сохранить въ борьбѣ съ уѣздною пошлостью ясность мысли и вѣру въ прогрессъ.

Подъ руководствомъ профессора Павлова Лашнюковъ началъ специально заниматься русскою исторіею. Г. Павловъ первый обратилъ молодежь къ *изученію русской исторіи въ ея источникахъ*, но съ сохраненіемъ связи съ исторіею человѣчества и подъ верховнымъ руководствомъ философіи исторіи. Лашнюковъ былъ изъ первыхъ и лучшихъ учениковъ г. Павлова. Усвоенные въ это время программа и методъ остались навсегда характеристическою особенностью Лашнюкова какъ преподавателя и изслѣдователя, именно: критика источниковъ

исторіи и воззрѣній на нее ученыхъ — какъ методъ изслѣдованія, крупныя вопросы политической исторіи культуры — какъ главный предметъ изслѣдованія.

Еще въ университетѣ Лапшюковъ написалъ сочиненіе на тему: *о причинахъ усобицъ между русскими князьями и о вліяніи ихъ на современное общество въ періодъ времени отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимины*, — сочиненіе, удостоенное награжденія золотою медалью. Вотъ отзывъ объ этомъ замѣчательномъ для своего времени сочиненіи (помѣщенный въ отчетѣ университета за 1850 г.), изъ котораго можно имѣть понятіе о методѣ изслѣдованій, усвоенномъ школою г. Павлова.

„Сочиненіе это составлено авторомъ по источникамъ преимущественно лѣтописнымъ, по двумъ методамъ, тѣсно соединеннымъ — *критическому и повѣствовательному*; такъ что въ немъ отчетливо съ одной стороны раскрытъ смыслъ событій, а съ другой стороны изложены самыя событія. Авторъ весьма подробно изложилъ исторію междукняжескихъ усобицъ въ пространство времени отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго; отъ Андрея же Боголюбскаго до Ивана Калиты и Гедимины онъ представилъ наглядную и вѣрную характеристику усобицъ, не вдаваясь въ особенныя подробности. Это сочиненіе имѣетъ несомнѣнную цѣну для науки отечественной исторіи, ибо, соединяя въ себѣ результаты прежнихъ изслѣдованій по этой части гг. Устрялова, Погодина, Кавелина, Соловьева, вноситъ много совершенно новаго въ область

VII

историческаго вѣдѣнія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.“

Такого же рода отзывъ о названномъ сочиненіи Лапнюкова былъ помѣщенъ въ 17 № „Москвитянина“ за 1851 г.

Въ университетѣ же Лапнюковъ началъ заниматься исторіею и древностями западныхъ Славянъ, на чемъ воспиталъ въ себѣ любовь и уваженіе къ западному славянству—явленіе, считавшееся въ Кіевѣ, въ то время и еще гораздо позднѣе, страннымъ оригинальничаньемъ въ глазахъ господствовавшихъ тогда безусловныхъ поклонниковъ нѣмецкой науки. Въ послѣдствіи, во время своего путешествія за границу (1861—62 г.) въ бытность свою профессоромъ лицея кн. Безбородко, Лапнюковъ еще болѣе укрѣпился въ своихъ воззрѣніяхъ на значеніе для Россіи западно-славянской науки и культуры. Въ краткомъ, но весьма замѣчательномъ — по самостоятельности мысли и тонкости наблюденія — отчетѣ, напечатанномъ въ циркулярѣ по управленію кіевскимъ учебнымъ округомъ Лапнюковъ высказалъ свое убѣжденіе о положительномъ превосходствѣ западнославянской исторической науки и педагогики надъ русскими историческими сочиненіями и русскою системою воспитанія, Его постоянною мыслію было—что русскимъ молодымъ публицистамъ и педагогамъ слѣдуетъ ѣздить учиться въ Прагу.

„Наблюденія мои, говоритъ Лапнюковъ, привели меня

VIII

къ тому заключенію, что Чехи — самое развитое, даровитое и образованное славянское племя; и что русскій можетъ многому поучиться у чеховъ“.....

„Знакомство съ Палацкимъ и изученіе его исторіи принесло мнѣ большую пользу: я понялъ задачу славянской исторіи и созналъ несостоятельность нашихъ воззрѣній на славянскую и отечественную исторію. Исторія Палацкаго, по полнотѣ, фактичности содержанія, по богатству историческаго матеріала, по глубинѣ критики и по искусству группировки и изложенія фактовъ, стоитъ выше извѣстныхъ исторій польскихъ и русскихъ. Въ трудѣ Палацкаго не замѣтно докриначества, которымъ отличаются многія наши историческія изслѣдованія; не видно въ немъ и узкихъ національныхъ тенденцій, въ чемъ сильно погрѣшаютъ польскіе историки. Трудъ Палацкаго вполне самостоятеленъ; ни европейская наука, ни великіе образцы европейской исторіографіи, которыми руководствовался Палацкій, не лишили его труда оригинальности и не подавили въ авторѣ той объективности воззрѣнія, которую онъ вынесъ изъ изученія памятниковъ своей отечественной исторіи и жизни народной. Палацкаго нельзя назвать ни славянофиломъ, ни западникомъ; западная наука дала ему только средства сознать и изложить исторію своего народа; но не она внушила ему глубокую симпатію къ своему народу и то благородное патріотическое чувство, которымъ проникнута его исторія; патріотическое же чувство не омрачило разума, свѣт-

IX

лаго взгляда чешскаго историка на западную цивилизацію, на великія судьбы европейскаго міра“.....

„Западные Славяне смотрятъ на свою современную исторію какъ на результатъ прошедшаго; они хорошо знаютъ свое современное положеніе и свою прошедшую жизнь и потому ихъ не ослѣпляютъ никакія теоріи, никакія воззрѣнія; они строго держатся факта. Историческая наука у нихъ не доктрина, а живое знаніе; она питаетъ патріотическое чувство народа и служитъ руководствомъ для передовыхъ людей. Какъ только пробудилось національное чувство у чеховъ, они прежде всего позаботились о томъ, чтобы имѣть исторію своего народа и съ великимъ трудомъ выхлопотали Палацкому титулъ исторіографа чешской земли. Палацкій 40 лѣтъ трудился надъ исторіею своего народа. Я слышалъ отъ Палацкаго, что самый интересный періодъ чешской исторіи — время Подибрада обработанъ его трудами; по его словамъ, онъ не имѣлъ и двухъ страницъ подъ рукою изъ трудовъ своихъ предшественниковъ. Онъ долженъ былъ собрать и обработать матеріалъ, составившій огромный томъ“.....

„Западные славянскіе историки видятъ въ начальномъ быту славянства животворныя начала для своего возрожденія, и потому древняя исторія имѣетъ для нихъ важное значеніе. Лучшіе труды западныхъ историковъ и изслѣдователей посвящены всестороннему изученію древностей и народной жизни по памятникамъ, преданіямъ, пѣснямъ и легендамъ старины. У насъ только недавно

начались эти работы. Мы создавали, или, лучше сказать, принимали чужія воззрѣнія на исторію и цѣликомъ прилагали ихъ къ русской исторіи. Наша историческая наука богата теоріями, воззрѣніями и очень скудна критическими изслѣдованіями. Мы рано пренебрегли такъ называемою фактической исторіею и рано начали сочинять прагматическія и философическія исторіи. Мы можемъ сказать, что наша начальная исторія еще мало развѣтана. Имѣя богатые матеріалы, какихъ не имѣетъ ни одинъ народъ славянскій, мы ограничились передачею историческаго матеріала на современномъ языкѣ и называемъ это повтореніе лѣтописей исторіею. Такъ называемый удѣльный періодъ и до сихъ поръ остается темнымъ и совершенно недоступнымъ для большинства. *Родовыя, гражданскія и государственныя отношенія; уклады: удѣльно-вѣчевой и государственный, теорія феодальная и теорія государственной централизаціи* — вотъ результаты нашихъ изслѣдованій по древней русской исторіи. Ясно, что всѣ эти воззрѣнія мы создали подъ вліяніемъ чужой для насъ исторической науки; мы приложили результаты западной исторической науки къ нашей жизни и пока ограничиваемся этой бесплодной догматикой. Палацкій пришелъ въ негодованіе, когда я сказалъ ему, какими теоріями руководятся наши историки. Не одинъ Палацкій считаетъ бесплодными наши историческія воззрѣнія; и другіе западные славянскіе ученые, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, высказали